

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: domanov@philosophy.nsc.ru

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ*

Рассматриваются возможности и ограничения структурно-грамматического подхода к анализу социального действия. Исследуются понятие социологических глаголов В. Декомба, структура автономного субъекта самозаконотательства в этике Канта, проблема подчинения свободного субъекта авторитету. Структурно-грамматический подход применяется к анализу автономного действия субъекта, которое описывается как четырехактантный глагол, требующий предположения о собственном желании субъекта. Показано, что так понятая автономия не затрагивается критикой Декомба. Рассмотрена проблема источника действенности права и авторитета, в качестве которого указана структурная необходимость, являющаяся условием возможности субъекта желания.

Ключевые слова: субъективность, социальное действие, желание, социологические глаголы, грамматика зависимостей.

Плодотворное влияние наук о языке на социальные науки не подлежит сомнению. Достаточно вспомнить структурализм, возникший в лингвистике в начале XX в. и быстро ставший одной из основных методологий социальных и гуманитарных наук. Структуры языка не просто отражают строение социальной реальности, но часто определяют ее и во многих случаях позволяют лучше понять явления и институты, о которых язык высказывается. В этом отношении структурная грамматика или грамматика зависимостей Л. Теньера, Р. Хадсона, И. Мельчука и др. оказывается особенно полезна при анализе структуры социального действия, поскольку ставит в центр грамматической формы именно глагол, т. е. действие. На ее основе возможна разработка новых подходов в теориях права, политики, морали и т. д. В этой связи особенно показательна последняя книга Винсента Декомба [Descombes, 2004]

(рус. пер.: [Декомб, 2011]), посвященная систематическому анализу философских категорий субъекта и субъективности. Основной метод книги, который сам Декомб называет грамматическим, позволяет ему предложить решение многих важных проблем философии права, действия, этики. Амбиция книги состоит в разрешении «концептуальной путаницы», присущей большей части современных и не только дискуссий о субъекте. Основной мишенью критики Декомба является классическое понятие автономного субъекта самозаконотательства, которое он рассматривает в контексте как традиционных, так и современных социальных теорий. Однако на примере этой книги видны не только достоинства, но и ограничения структурно-грамматического подхода. Рассмотрим их подробнее.

В каком смысле деятель является субъектом своего действия или, по словам Витгенштейна, что остается от факта поднятия

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта партнерских фундаментальных исследований Президиума СО РАН (конкурс Б) № 26 «Новые парадигмы социального знания».

мною руки, если вычтешь из него тот факт, что рука поднялась? Новоевропейская философия для ответа на подобные вопросы создала концепцию субъекта, особым образом направленного на самого себя. В практической философии, предметом которой со времен Канта является способность желания, эта направленность есть свойство субъекта свободно давать самому себе закон. Именно эта автономия самозакондательства является основным предметом рассмотрения Декомба. Он использует подход, который сам называет грамматическим. Подход вдохновлен исследованиями языка и действия Витгенштейна, однако, более непосредственно, опирается на теорию синтаксиса французского лингвиста Люсьена Теньера. Последний является основоположником современной грамматики зависимостей [1988], которую обычно противопоставляют более традиционной грамматике составляющих. В отличие от последней, в ней структура предложения задается не составными частями, а зависимостью элементов друг от друга. Согласно Теньеру, центром предложения (речь идет о большинстве европейских языков) является глагол, который вместе с зависимыми словами составляет, как говорит Теньер, «маленькую драму», в которой действие, актеры и обстоятельства выражаются, соответственно, глаголом, актантами и сирконстантами. Последние два термина Теньер описывает следующим образом: «Актанты – это живые существа или предметы, которые участвуют в процессе в любом качестве, даже в качестве простого статиста, и любым способом, не исключая самого пассивного. [...] Актанты – это всегда существительные или их эквиваленты. [...] Сирконстанты – это всегда наречия (времени, места, способа и пр.) или их эквиваленты» [Там же. С. 117]. Таким образом, главным словом предложения является не существительное, как считает традиционная грамматика, а глагол. На этом основании, Теньер критикует представление о структуре предложения как субъектно-предикатной [Там же. С. 118–121]. Такое представление, в частности, не позволяет учесть способность актантов взаимозаменяться, т. е. учесть залоговые преобразования предложений. Для Декомба эта критика также оказывается существенной.

Важной характеристикой глаголов является так называемая валентность, т. е. коли-

чество актантов, которое им требуется для образования законченного высказывания. Хотя, в принципе, валентность может быть любой, в реальности редко встречаются более чем трехвалентные глаголы. Теньер обозначает актанты порядковыми номерами – первый, второй, третий – в зависимости от степени их участия в действии. Все они служат дополнениями глагола. Важнейшим актантом является первый, обозначающий инициатора действия. Теньер называет его субъектом, Декомб же – субъектным или агенсным дополнением (*complément de sujet, complément d'agent*) [Декомб, 2011. С. 14]. Как поясняет Декомб, этот субъект не является просто субъектом-подлежащим некоторого предиката: «У такого субъекта должны быть черты, необходимые для исполнения роли агенса: нужно, чтобы он был не только идентифицируемым как индивид, но и присутствовал в мире как каузальное начало. У такого субъекта должна присутствовать материальность [...] Иначе говоря, субъект, который нам нужен, имеет значительно более аристотелевскую природу, нежели картезианскую» [Там же]. С точки зрения грамматики зависимостей, «главное синтаксическое различие следует видеть не между подлежащим-субъектом и прямым дополнением, но между дополнениями разного актантного числа (подлежащее, прямое дополнение, дополнение образа действия) и дополнениями обстоятельственного характера (образа действия), которые в реальности являются наречиями» [Там же. С. 12]. В этой структуре субъект не выделяется как подлежащее, о котором, по выражению Аристотеля, высказываются, он обозначен дополнением, «таким же, как и другие» [Теньер, 1988. С. 124]. Субъект может быть единственным актантом или одним из нескольких, но он может и отсутствовать, если глагол безактантен (например, таковы глаголы «дойдет», «жарко» и пр.).

Другие важные для нас понятия грамматики зависимостей – так называемые каузативная и рецессивная диатеза. Они являются чем-то вроде залогов и связаны с изменением у глаголов числа актантов или валентности. Многие глаголы получаются из других глаголов путем добавления вспомогательного глагола (который может и не присутствовать явно, но подразумеваться). Во французском языке в качестве него часто

выступают глаголы *faire* или *rendre*, которые в этом случае можно понимать как «сделать так, чтобы». Например, глагол *avoir*, «иметь» превращается в *donner*, «давать» (*faire avoir*, буквально: сделать так, чтобы имел), *voir*, «видеть» превращается в *montrer*, «показывать» (*faire voir*, буквально: сделать так, чтобы увидел). В результате такой «каузальной» операции глагол получает дополнительный актанта, который выступает теперь как первый или как инициатор действия. Например, если глагол «видеть» двухактантен (Петр видит книгу), то глагол «показывать» трехактантен (Павел показывает Петру книгу, буквально: Павел делает так, чтобы Петр видел книгу), причем новый актанта (Павел) выступает здесь инициатором действия. Соответственно, новый глагол называется каузативом от старого. Эта схема позволяет, в частности, более дифференцировано присваивать действия актантам, например, отвечать на вопросы вида «Кто ответственен за выполнение приказа, командир или подчиненный?». Для Декомба она важна прежде всего потому, что позволяет различить два типа субъектов, как мы увидим ниже.

Кроме описанной каузативной диатезы, повышающей валентность, имеется обратная, рецессивная диатеза, понижающая ее. Важнейшей из таких операций является для Декомба возвратная операция, т. е. обращение действия на себя, при которой отождествляются «субъект» и «объект» действия. Именно таким действием является самозаконотворчество, и Декомб предпринимает анализ структуры глаголов управления, командования, подчинения и пр. с целью показать, что самозаконотворчество субъект невозможен по структурным причинам. Именно в этом контексте Декомб вводит понятие *социологических глаголов* (по аналогии с психологическими глаголами Витгенштейна). Их определяющей характеристикой является то, что они, будучи трехактантными, не могут употребляться в возвратном значении. Другими словами, возвратная операция с этими глаголами невозможна, поскольку они при этом меняют свой смысл. Декомб заимствует следующий пример у Витгенштейна: мы не можем употреблять глагол «дарить» в возвратном значении, поскольку при передаче чего-то самим себе мы никак не изменяем ситуацию, т. е. фактически никому

ничего не даем и ни от кого ничего не получаем. Глагол не сохраняет своего значения при употреблении в возвратной форме. Аналогично, согласно Декомбу, устроены глаголы командования и подчинения. Мы, конечно, можем отдавать приказы самим себе и затем им подчиняться, но это не будет подлинным подчинением, поскольку «не повелительное наклонение превращает это сообщение в приказание, но сам статус отдающего приказа» [Декомб, 2011. С. 355]. Вопрос поэтому состоит не в том, способен ли субъект формулировать законы для самого себя, а в том, имеет ли он право устанавливать их именно как законы. Возникает проблема авторитета, и Декомб отвечает на вопрос об упомянутом праве отрицательно: индивид не может сам себе присвоить право управления самим собой, для этого требуются уже установленные социальные связи (отсюда и название такого рода глаголов). Это является основной причиной, по которой невозможен классический автономный субъект.

Посмотрим, однако, внимательнее на структуру этих глаголов. Насколько верно, что они таковы, потому что требуют социальных связей для осуществления обозначаемого ими действия? Как замечает сам Декомб, они теряют свое значение при возвратном употреблении, поскольку не изменяют состояние актанта: дарить себе не означает передать что-то от одного лица к другому. Рассмотрение других упоминаемых Декомбом социологических глаголов (обязывать, навязывать, передавать право, командовать) показывает, что они все имеют похожую структуру. В них речь идет о передаче физического или иного предмета от одного индивида другому. Но это означает, что когда Декомб говорит о социологическом характере глаголов типа «командовать» или «управлять», то он понимает их как передачу. Что же при этом передается?

Мы видели, что в управлении речь не идет просто об отдаче приказа или формулировке закона. Для успешности действия агенса должен обладать тем, что Декомб называет правом, авторитетом и пр. В противном случае речь не может идти о самопринуждении. Обсуждая проблему самопринуждения в кантовской этике [Там же. С. 317–324], Декомб разрешает ее с помощью каузальной диатезы. Проблема состоит в том, как понять принуждение

долгом человека, который при этом остается свободным. Это не может быть простое принуждение силой. Как формулирует Декомб, «[э]того человека принуждают *захотеть сделать* что-то, ему навязывают само желание» [2011. С. 319]. Декомб находит здесь «запутанную доктрину желаемого», в которой смешаны две ситуации: 1) человека заставляют делать то, что он не хочет, против его воли, и 2) человека «принудили иметь именно такую волю, а не какую-то другую» [Там же. С. 321]. Возникает вопрос о детерминированности самого желания. Что касается Канта, то он указывает на его бессмысленность. Кант утверждает, что если возможно принудить кого-то преследовать чужую цель, то невозможно заставить его превратить эту цель в его собственную. Здесь имеется не физическая, а структурная невозможность. Она, однако, исчезает, – продолжает Кант, – если человек принуждает себя сам. В терминах структурной грамматики мы можем сказать, что глагол «принуждать» трехактантен (А принуждает Б сделать В), причем мы имеем здесь каузативную диатезу от двухактантного глагола «делать» (Б делает В). Тем самым мы имеем два действующих лица, один из которых инициатор действия, а другой – исполнитель: «“Принуждать” в этом контексте выглядит как вспомогательный каузальный глагол, использованный, чтобы выразить, что непосредственный агент не имел никакого выбора и что всякая причина его действия была в главном агенте» [Там же. С. 323]. При обращении действия на себя два агенса совпадают, но глагол при этом теряет свое значение: «возвратная конструкция глагола “принуждать себя” больше не обозначает действие, при помощи которого агент, производящий принуждение, лишает другого агенса свободы действий. Следовательно, формула “принуждать самого себя” абсолютно не может быть понята в этом смысле, который был бы в ней, если бы она соответствовала возвратной диатезе» [Там же. С. 323–324]. В этом специфика глагола «принуждать» как социологического, чем он отличается, например, от глагола «умывать», который сохраняет свой смысл при обращении агенса на себя.

В чем, однако, причина потери глаголом своего значения? Нетрудно видеть, что она состоит в том, что глагол понимается Де-

комбом как передача желания от одного индивида к другому. Он перестает быть подлинным принуждением, потому что совпадают желания принуждающего и принуждаемого, в результате чего ситуации до и после действия совпадают. Таким образом, причина является структурной, хотя и связанной с семантикой глагола. Декомб, тем не менее, видит ее в необходимости социальной связи, т. е. такой связи, которую индивид не может установить сам с собой, например, обязательство, долг и т. д. Для такого установления существенным образом требуются социальные установления и институты, и поэтому, согласно Декомбу, автономия в смысле самозаконотворчества, как ее понимает философия со времен Просвещения, оказывается противоречивой и невозможной. Рассмотрим, однако, данную структуру более внимательно.

Социологические глаголы трехактантны, и их действие зависит от права или авторитета первого актанта. В случае принуждения, авторитет есть то, что позволяет этому актанту не просто навязать действие непосредственному агенту, но изменить его желание так, чтобы он сам желал этого действия. Кант в «Критике практического разума» выделяет две инстанции, воздействующие на способность желания, которые он называет склонностями (они связаны с чувственностью и природным воздействием) и разумом. В грамматических терминах склонности имеют двухактантную структуру, в которой, однако, иницирующим агентом является не индивид, а объект: объект действует на способность желания и вынуждает индивида его добиваться. В то же время само это действие является каузативом от одноактантного действия индивида. Как в случае всякого каузатива, новый актант выступает инициатором действия одного из предыдущих актантов (в данном случае – единственного).

Напротив, действие разума на способность желания оказывается трехактантным глаголом, и именно возникновение нового актанта позволяет Канту говорить здесь об автономии. Действительно, с одной стороны, речь у Канта идет прежде всего о независимости от склонностей. Это означает появление инстанции, управляющей склонностями, блокирующей или поощряющей их. С точки зрения грамматики речь здесь идет о каузативной диатезе и появлении

нового актанта. У Канта, как мы знаем, в качестве этого актанта выступает сам моральный субъект, т. е. субъект, подчиненный категорическому императиву: «поступай... согласно такой максиме, руководствуясь которой ты... можешь пожелать...» [1995б. С. 83]. Ситуация, однако, сложнее. Обсуждая возможные мотивы практического разума, Кант замечает, что для морального субъекта таким мотивом может быть только уважение. Последнее же связано прежде всего с виной и стыдом за свою несвободу, за зависимость от «механизма всей природы» и за неспособность следовать велению разума [Кант, 1995а. С. 197]. Моральный закон сокрушает самомнение и претензию на высокую самооценку, он даже связан с унижением. Однако если человек однажды примет это унижение и смирит себя, то неудовольствие исчезает, и субъект приводится в состояние, в котором «нельзя не любоваться великолепием этого закона, и сама душа, кажется, возвышается в той мере, в какой она считает святой закон возвышающимся над ней и ее несовершенной природой» [Там же. С. 188]. Такая трансформация, согласно Канту, становится возможной потому, что человек обнаруживает в себе самое свойство, роднящее его с моральным законом, а именно, разум. С момента этого обнаружения субъект в лице морального закона подчиняется не внешней инстанции, а самому себе. Означает ли это, в терминах грамматики, что индивид занимает место первого актанта в трехактантной структуре? Если это так, то происходила бы идентификация индивида с законом, а уважение состояло бы в передаче им самому себе своего собственного желания. Другими словами, мы имели бы описываемое Декомбом возвратное действие, которое теряет свой характер принуждения в силу того, что соответствующий глагол является социологическим. Однако, как мы видели, идентификация происходит не столько с законом, сколько с разумом в нем. Что означает эта отсылка к разуму в терминах грамматики зависимостей?

Прежде всего, речь здесь не идет о насилии со стороны закона (как, к примеру, интерпретирует категорический императив Фрейд). Если бы это было так, то означало бы, что закон фактически замещает объект в двухактантной структуре склонности. Но, согласно Декомбу, закон должен действо-

вать авторитетом, поэтому его специфика в таком случае терялась бы. С другой стороны, закон не является и простым актантом в трехактантной структуре, поскольку тогда мы имели бы возвратную форму, невозможную по структурным причинам. Декомб обсуждает эту трудность в ходе рассмотрения вопроса о том, как индивид может подчиниться правилу. Почему принятие правила субъектом не лишает правило авторитета? Это вопрос, который ставит перед собой Витгенштейн. В рамках своего подхода Декомб отвечает на него следующим образом. Конечно, субъект может устанавливать для себя правила, и власть правила происходит, в конце концов, от самого субъекта (именно люди создают социальные институты, которым подчиняются). Вопрос состоит в том, как конкретно она осуществляется, каков механизм управления самим собой посредством символически выраженного правила. Ответ Декомба, который он дает в самом конце книги, состоит в том, что это управление может осуществляться только через практику, через научение путем повторения и демонстрации примеров: «Наша мысль состоит в том, что существует *чисто практический* способ в первый раз освоить смысл нормативных понятий, и он происходит из способа, которым нормативные термины (“правильный”, “неправильный”) фигурируют в языковой практике, мобилизующей процесс обучения» [Декомб, 2011. С. 500]. Предположим, говорит Декомб, мы имеем человека, который не умеет пользоваться правилами, не умеет подчиняться им. Как мы можем его этому научить? Декомб видит только один способ: мы должны показывать пример следования правилу, регулируя при этом ученика остановками или поощрениями: «Показать пример, вызвать у ученика присущие ему реакции, приободрить его, когда он поступает правильно, дать ему почувствовать разочарование, когда он отвечает невпопад» [Там же. С. 499]. Это регулирование сначала осуществляется простым насилием, но постепенно, «к нашей радости», ученик сам обучается останавливать себя и «самостоятельно использовать термины “правильно” и “неправильно”». Человек, таким образом, никогда не следует правилу в первый раз, он сначала следует ему и лишь затем узнает об этом и научается следовать сознательно. Можно сказать, что сначала действует

учитель посредством ученика, и лишь затем последний научается действовать сам. Декомб добавляет: «Всё выглядит так, словно подобное использование языка, связанное с упражнениями, может преобразовать индивида, несведущего в правилах, в индивида компетентного» [2011. С. 500]. Всё, действительно, выглядит так, но вопрос состоит в том, что за преобразование при этом происходит. Что добавляется в структуре субъекта, позволяя ему понимать правильное и неправильное? Согласно Декомбу, добавляются социальные институты и социальные практики, обычаи. Именно это делает невозможным автономного субъекта Просвещения. Однако это само еще требует объяснения. Каким образом субъект становится чувствительным к социальным практикам? Почему он вообще оказывается способен подчиниться авторитету? Почему он хочет ему подчиняться?

Рассмотрим ситуацию в терминах актантной теории. Прежде всего, мы имеем действие, которое можем рассматривать как одноактантный глагол с индивидом как инициатором. Склонность появляется как двухактантный глагол, как каузатив от первоначального действия. Можно было бы сказать, что склонность имеет структуру желания (индивид желает объект), однако, как мы увидим, желание может иметь более сложную структуру, за которой я и закреплю сам этот термин; что же касается двухактантного «желания», я буду называть его, вслед за Кантом, склонностью. В склонности инициатором действия выступает объект (физический, психический, идеальный или еще какой-то): появление объекта автоматически приводит к осуществлению действия. На этом уровне нет еще воли субъекта (которую философия, в частности Кант, определяет как желание, подчиненное разуму), нет желания, есть лишь автоматизм инстинкта. Желание возникает вместе с появлением дополнительного актанта, регулирующего действие склонности. Этот актант – который становится первым – влияет на выбор объекта склонности. Он связан с сопротивлением автоматизму склонности, с «нежеланием желать» или «желанием не желать», как характеризует эту структуру психоанализ. Появление дополнительного актанта или места для него является ключевым изменением в структуре субъекта, служащим условием возможности как его

управления, так и самоуправления. Когда Декомб говорит об авторитете в его отличии от простого насилия, то речь идет именно об отличии трехактантной структуры от двухактантной. Авторитет не просто занимает место объекта в склонности, вызывая затем автоматическое действие субъекта, он влияет на выбор объекта склонности. Важно заметить, однако, что автоматизм, в некотором смысле, остается на уровне самого объекта. Авторитет выбирает объект, который сам по себе действует на субъекта автоматически (и, в этом смысле, гетерономно). Авторитет является лишь разновидностью более общей инстанции, соответствующей первому актанту трехактантного глагола. Речь здесь идет о том, что детерминирует «желание» (строго говоря, склонность) субъекта, формирует его. Поэтому возникновение трехактантной структуры связано с сомнением субъекта и его вопросом о том, что детерминирует его собственные желания. Субъект отказывается преследовать собственные желания, не только потому, что понимает, что они могут быть иницированы извне, но, прежде всего, потому, что не доверяет иницирующей инстанции.

Классический моральный субъект разрешает эту проблему доверия тем, что сам занимает место этой инстанции. Для него все начинается с подозрения о том, что он желает «не сам», что он желает «не свое желание». Как мы видели, глагол принуждения, понятый как передача желания, теряет свое значение принуждения как раз в том случае, когда желания принуждающего и принуждаемого совпадают. Идеал автономии, таким образом, тесно связан с предполагаемым существованием «собственного» желания, как бы оно ни понималось. Именно «собственное» желание позволяет совместить автономию с принуждением, которое оказывается принуждением самого себя. У Канта, как мы видели, переход от унижения моральным законом к уважению к нему связан именно с идентификацией разумности субъекта с разумностью закона – закон диктует не что иное, как собственное желание субъекта.

Однако, с другой стороны, мы не можем говорить впрямую о том, что субъект занимает место иницирующей инстанции. Автономия остается идеальной конструкцией, и речь для субъекта идет, скорее,

о поиске собственного желания – не о подчинении, а о поиске инстанции, которой следует подчиняться (и которой для Просвещения является, конечно, разум). Важно заметить, однако, что, как показывает наше рассмотрение, дополнительный актант и «собственное» желание, вообще говоря, не зависят друг от друга, и возможна ситуация, когда первое присутствует без второго. Предположение о существовании собственного желания – это предположение о наличии блага, что поднимает старый вопрос о выборе между ориентацией этики на долг или благо. Уже Кант обсуждает эту проблему и не находит приемлемого решения. С одной стороны, он строго разделяет принцип счастья (основанный на склонностях) и принцип долга (основанный на разуме), но с другой – вводит понятие самоудовлетворенности, связанной с самим по себе следованием долгу. Кант испытывает трудности как с выбором названия для него, так и с проведением границы между ним и счастьем [1995б. С. 222]. И действительно, функционально самоудовлетворенность не отличается от счастья (это «аналог счастья», как говорит сам Кант). Эта трудность внутренне присуща кантовскому проекту, который, в наших терминах, с одной стороны, вводит инстанцию безусловного авторитета, а с другой – пытается сохранить ее связь с собственным желанием субъекта, его счастьем или благом. Ригористичность деонтологического подхода очень трудно выдержать, и Кант, в конечном счете, выбирает благо, поскольку без той или иной его версии невозможно сохранить понятие автономного субъекта.

Таким образом, автономный субъект существенным образом содержит в своей структуре предположение о собственном желании. Однако это желание не обязательно требует явной формулировки. Более того, как правило, оно не выражено явно. Подчиняется ли субъект себе или авторитету, чье желание предположительно совпадает с его, в любом случае желание лишь предполагается, субъект никогда не знает, в чем оно состоит. Всегда есть риск того, что желание инстанции, которой субъект подчиняется, окажется не совпадающим с желанием субъекта. Благо авторитета может оказаться отличным от блага субъекта. Но это означает, что мы должны добавить в нашу структуру еще один актант,

четвертый, который будет регулировать желание авторитета и «обеспечивать» его совпадение с желанием субъекта. Субъект теперь стремится занять место этого актанта. В ситуации неизвестности желания авторитета субъект занимает место того, кто выбирает авторитет. Мы видим, что для достижения автономии субъект пользуется не чем иным, как каузативной процедурой. С грамматической точки зрения она лежит в основании способа достижения автономии, позволяя субъекту занять место причины действия. Но мы также видим, что эта процедура становится эффективной (в смысле описанного Декомбом «коллапса» принуждения) только в предположении существования собственного желания.

Таким образом, автономное действие субъекта имеет более сложную структуру, чем описанная Декомбом. Это четырехактантный глагол, в котором сам субъект занимает место первого актанта, определяющего действие авторитета, который, в свою очередь, определяет действие объекта. «Определение» здесь не следует понимать как строгое, оно оставляет свободной определяемую инстанцию (например, субъект всегда может не подчиниться авторитету, отказаться от «диктата склонности» и т. д.). Важно подчеркнуть, что авторитет в этой структуре заимствует свою власть от «собственного», которое и оказывается подлинным инициатором.

Зададимся теперь вопросом: подпадает ли это понятие автономии под критику Декомба? С его точки зрения, предположение об автономии противоречиво и должно быть заменено понятиями, более гибкими, чем автономия и гетерономия. В конечном счете, согласно Декомбу, индивид подчиняется практикам, реализованным в социальных институтах. Обучая нормативным понятиям, учитель не устанавливает закон, но лишь указывает на него: «Кто говорит, что препятствие (для исполнения учеником его желания. – *О. Д.*) существует? [...] Но инструктор не обладает такой властью, поскольку в его функции входит лишь напоминать о правилах игры, правилах, для нее характерных. Инструктор, таким образом, просто-напросто указывает на соглашения, на которые опирается конкретная человеческая практика» [2011. С. 505]. Но почему тогда ученик им подчиняется? Обсуждая на двух последних страницах

книги возможные мотивы подчинения закону, Декомб говорит, что на вопрос о власти норм невозможно дать общего ответа, мотивы могут быть разными. «Но совершенно очевидно, – продолжает он, – что ответ на него должен апеллировать к практической необходимости» [2011. С. 506]. Примечательно, что в нескольких примерах таких мотивов, которые здесь же приводит Декомб, речь идет либо прямо о желании, либо о благе. В конечном итоге: «Какой бы ни была рассматриваемая норма: право или правило игры в теннис, статья гражданского кодекса или правило дресс-кода, – единственная причина считать, что я *должен* (практическая необходимость) делать то, что я *должен* (деонтическая необходимость) делать, чтобы его соблюдать, заключается в том, что управляющий моим поведением нормативный аппарат мыслится мною как “инструмент человеческого блага”» [Там же. С. 507]. Таким образом, речь идет о благе. Именно от него, пусть и не выраженного явно, норма заимствует свою власть. Но это означает, что речь идет об автономии, как четырехактантной структуре. Оказывается, что окончательная структура субъекта у Декомба – это структура автономного субъекта, т. е. субъекта, управляемого собственным желанием. Декомб сначала демонстрирует фактическую неавтономность классического субъекта, но затем применяет к нему каузативную процедуру, получая снова автономию, но на другом уровне. Авторитет социальных институтов оказывается, в скрытом виде, авторитетом собственного желания.

Но возможен ли субъект без этого собственного желания? О какой субъективной структуре может пойти речь, если мы откажемся от предположения о «собственном» желании? Это не будет структура автономии, так как каузативная процедура потеряет свою эффективность. Но будет ли это структура гетерономии?

Для ответа на эти вопросы нам, прежде всего, будет полезно различие, проведенное Декомбом, между *субъектом предикации* (subjectum) и субъектом как *агентом* [Там же. С. 471]. Некоторую параллель ему мы находим в кантовском различии теоретического и практического. Субъект предикации – это логический субъект, он относится к средствам, позволяющим «обеспечивать в речи референцию к индивидам,

идентифицировать (“естественных”) людей в тех различных ролях, которые они исполняют на подмостках права, или в любой форме человеческого взаимодействия» [Там же]. Субъект как агент – это субъект, рассмотренный как актант по отношению к некоторому действию, в частности, как первый актант или инициатор. Речь идет, помимо прочего, о различии между действием, невозможным без субъекта, поскольку именно он его осуществляет (и никто не может его в этом заменить), и действием, в котором он является автором в той или иной степени либо вообще действующим лицом. Другими словами, действие может быть «только мое» в двух смыслах: я могу быть его автором и инициатором, но я могу также быть лишь его «носителем» – оно случается со мной и ни с кем другим, но я не являюсь его агентом (парадигмальным примером подобного действия является, по-видимому, смерть).

Это различие может быть сформулировано в терминах грамматики Теньера как различие актантов и сирконстантов. Как я уже говорил, в языке возможны безактантные глаголы, такие как «дождит» или «светает», которые, не имея актантов, могут, тем не менее, иметь сирконстанты или обстоятельства. При этом субъект может занимать место этих сирконстантов, играя фактически роль наречий. В этом случае он будет не активной инстанцией, но скорее местом или инструментом совершения действия – действие происходит с ним или «в нем», но не имеет в виду его как актанта, даже пассивного. Ближайший аналог подобной структуры мы находим в психоанализе (по-видимому, глагольная грамматика Теньера вообще хорошо подходит для описания психоанализа). Симптом в психоанализе – это действие, которое субъект регулярно повторяет, но которое не считает своим. Он может долгое время осуществлять его как свое, но внезапно обнаруживает, что результаты его не просто нежелательны для него самого, но выглядят так, как будто желаемы кем-то другим, как будто субъект «желает чужое желание». Соответственно, Фрейд видел цель психоаналитической работы в том, чтобы вернуть субъекта на место желающего: Wo Es war, soll Ich werden. С точки зрения грамматической структуры в этой формуле речь в точности идет о каузативной процедуре,

имеющей целью достижение автономии. Поэтому Фрейда можно рассматривать как представителя Просвещения, несмотря на то, что именно он много сделал для критики его оснований. Но мы можем двигаться в сторону не только повышения валентности глагола, но и ее понижения. На этом пути мы приходим к влечению (Trieb), к безактантному действию, которое Фрейд на физиологическом языке описывает как внутреннее напряжение, которое слепо разряжается, но которое психика привязывает к некоторому объекту, вообще говоря, случайному, и использует этот объект для контроля напряжения и разрядки. Нам нет необходимости прибегать к этому физиологическому языку, нам важна лишь грамматическая структура описываемого Фрейдом действия. В ней мы опять видим каузатив как способ обретения контроля путем добавления дополнительного иницирующего актанта – это происходит при переходе от безактантной разрядки к объекту влечения. Более того, на этом уровне мы видим первое появление примитивного «желания»: психика «предполагает», что влечение имеет определенный объект, то есть «желает» его. Как, однако, происходит переход от влечения к желанию в полном смысле слова?

Обсуждая различие актантов и сирконстантов, Теньер замечает, что линию раздела между ними отнюдь не всегда легко провести. Если первый актант, как правило, ясно выражен, то третий часто уже имеет некоторые свойства сирконстантов. Теньер даже делает предположение, что актанты это «всего лишь бывшие сирконстанты, претерпевшие значительную эволюцию» [1988. С. 271]¹. Предположим, что в случае влечения мы имеем сходную ситуацию, и здесь также происходит переход субъекта из статуса сирконстанта в статус актанта: вместо «со мной делается» возникает «я делаю», – а затем, вместе вслед за последующей трансформацией объекта влечения в объект действия субъекта, образуется

двухактантная структура склонности. При этом важно не только то, что субъект «берет на себя» безактантный вначале процесс, но и то, что он становится способным (хотя бы чисто грамматически) занять место первого актанта в результате последующей каузативной процедуры, и далее мы имеем всю игру желания и автономии, рассмотренную ранее.

Эта трансформация обнаруживается на феноменальном уровне как тревога. Она проявляется при движении в сторону уменьшения валентности глагольного действия, когда субъект «теряет себя», приближаясь к безактантной структуре. В социальной области тревога проявляется как страх хаоса и распада общественных связей и идентичностей. Но на этом уровне действует тот же движущий механизм, что и на более высоких в смысле количества актантов – субъект стремится занять место первого актанта, так как не доверяет инстанции, от которой находит себя зависимым. У субъекта Декомба недоверие проявляется даже тогда, когда тот, по-видимому, принимает свою зависимость от социальных институтов – как мы видели, эта зависимость опосредована «человеческим благом». Но речь, скорее, должна идти о более основательной зависимости, в которой субъект по отношению к действию даже не является актантом. Желание в этой ситуации является защитой от этой зависимости и формой ее непризнания. Ее действие, однако, от этого не становится меньше. Например, обсуждение субъекта у Декомба, как и у Канта в терминах управления и контроля, а не, скажем, доверия и верности, уже является знаком такой зависимости. Дело, однако, не в том, что субъект подчинен чуждой ему силе, а в том, что само понятие «чуждой силы» зависит от производного и проблематичного понятия «собственного».

Подведем итог. Представленное выше исследование носит грамматический или, лучше сказать, структурный характер, оно лишь выявляет структуру социального действия, оставляя открытым вопрос о степени реальности или идеальности его элементов – это лишь способ говорить о действии и месте субъекта в нем. Оно также оставляет открытым вопрос о движущей силе и условии самого действия, т. е. вопрос о природе исходного безактантного процесса. Его задача – разрешить структурную трудность

¹ В другом месте Теньер говорит, что некоторые слова, кажущиеся актантами, не всегда оказываются таковыми. Например, во французском выражении *Je parle* (я говорю) слово *Je* (я) является не полноценным словом, а вспомогательным элементом при глаголе, и в этом смысле не может рассматриваться как актант [1988. С. 146]. Только в результате субстантивации оно может получить этот статус и начать играть роль обычного существительного.

в понимании права и авторитета, связанную с источником их действительности. Они должны действовать не потому, что имеется некоторая инстанция, управляющая «по праву», а потому, что такое управление – структурное условие существования субъекта желания, будь то автономного или гетерономного. Однако сама эта структура не является единственно возможной, и субъект желания – это актантная надстройка над более элементарной структурой, онтологический статус которой еще требует своего прояснения.

Список литературы

Декомб В. Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собствен-

ного лица / Пер. с фр. М. Головановской. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 576 с. (Интеллектуальная история).

Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 1995а. С. 121–258.

Кант И. Основы метафизики нравственности. СПб.: Наука, 1995б. С. 53–119.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Под ред., с предисл. В. Гака; пер. с фр. И. М. Богуславского и др. М.: Прогресс, 1988. 656 с. (Языковеды мира).

Descombes V. Le complément de sujet: Enquête sur le fait d'agir de soi-même. Gallimard, 2004. (NRF Essais).

Материал поступил в редакцию 02.07.2012

O. A. Domanov

THE STRUCTURAL-GRAMMATICAL APPROACH IN THE PHILOSOPHY OF SOCIAL ACTION

The article discusses capabilities and limitations of the structural-grammatical approach to the analysis of social action. The concept of sociological verbs by V. Descombes, the structure of the autonomous subject of self-legislation in Kant's ethics, the problem of the free subject's obedience to authority are examined. The structural-grammatical approach is applied to the analysis of the subject's autonomous action, which is described as a four-actant verb presupposing the concept of the subject's own desire. Understood in this way, autonomy is not affected by Descombes' criticism. The article also discusses the problem of the effectiveness of law and authority, which is shown to be based on the structural necessity which, in turn, is the condition of the possibility for a subject of desire.

Keywords: subjectivity, social action, desire, sociological verbs, dependencies grammar.